
НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО КИТАЯ В ПРЕДДВЕРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

Г.А. Кубышина

Центр Азиатско-Тихоокеанского региона
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел РФ
ул. Остоженка, 53/2, Москва, Россия, 119021

Опыт Китая в обновлении подходов к государственной собственности предоставляет богатейший фактический материал, позволяющий сделать вывод о том, что Китаю принадлежит особое место в истории стран, избравших в качестве стратегической перспективы создание современной рыночной экономики без радикального слома социально-экономического строя в целом. Преимуществом на этом пути было наличие у Китая собственной научной теории, известной всему миру как строительство социализма с китайской спецификой.

Социально-экономическая модель экономики КНР до начала радикальной экономической реформы формировалась теми же путями и способами, что и в Советском Союзе. В качестве теоретической основы она опиралась на марксизм-ленинизм, имея перед собой образец его воплощения на практике — пример СССР.

Развитие китайской экономики, начиная с момента образования КНР, происходило под руководством и контролем Коммунистической партии. К концу 1970-х гг., когда страна столкнулась с настоящим вызовом модернизации, развитие народного хозяйства Китая пережило немало периодов подъема и падения темпов экономического роста. На протяжении всего этого исторического этапа (то есть с 1949 по 1978 г.) деятельность китайских политических институтов всех уровней было направлено на решение тех задач, которые директивным образом спускались сверху. Китаем у Советского Союза были заимствованы основные принципы единоначалия руководства и перенесены в сферу управления народным хозяйством. Дэн Сяопин подтвердил это, сказав: «Раньше мы учились у Советского Союза и переняли у него плановую экономику. Позже мы ставили плановую экономику на первое место. В дальнейшем мы так говорить не будем» [2. С. 203].

В начале 1950-х гг. в Китае стала быстро формироваться административно-командная система управления, главным методом которой стало составление перспективных (пятилетних) планов развития народного хозяйства. Административно-командная система управления вела к его централизации. С советской схемой ее сближало то, что Китай принял курс на индустриализацию страны, во главу которой было поставлено развитие тяжелой промышленности.

«Плановое развитие народного хозяйства является одной из характерных черт социалистической экономики» — такая позиция в те годы считалась неоспоримой. «Отказ от планового хозяйства привнесет анархию общественного производства и разрушение социалистической общественной собственности»; «Административное планирование есть существенный признак социалистического планового хозяйства и важнейшее проявление социалистической общест-

венной собственности в организации производства и управлении им» [8. С. 59]. Такие, в основном, идеи пропагандировались в китайском обществе.

После восстановления экономики в 1952 г. за 26 лет (1953—1978) производство валового национального дохода КНР выросло почти в 4,5 раза. За исключением провала политики «большого скачка» и создания народных коммун в сельском хозяйстве, пришедшихся на годы второй пятилетки (1958—1962) и трех лет «культурной революции» (1967—1968, 1976), когда производство ВВП падало ниже уровня предыдущих лет, все остальные годы экономика Китая росла быстрыми темпами. Так, среднегодовой прирост ВВП в 1953—1957 гг. составлял 6,9% [6. С. 136]. Китайские экономисты называют этот период мобилизационным.

К концу 1956 г. в КНР практически завершилось социалистическое преобразование экономических отношений. В 1957 г. доля государственного сектора в создании национального дохода возросла с 19% до 33%, кооперативного сектора — с 1,5% до 56%, смешанного государственно-частного сектора — с 0,7% до 8%.

Одновременно удельный вес единоличных хозяйств снизился с 72% до 3%, капиталистического сектора — с 7% до менее чем 0,1% [5. С. 1]. Но к концу первой пятилетки стали проявляться недостатки административно-командной, мобилизационной модели управления народным хозяйством. Основные из них, по свидетельству китайских и российских специалистов, были вызваны следующими противоречиями:

- концентрация всех управленческих функций, включая экономические, в Пекине (центр) подрывала инициативу местных органов власти, повышала бюрократизацию управления (противоречие между центральной и местными властями);

- упор на развитие социалистической индустриализации за счет изъятия средств из сельского хозяйства расшатывает экономику и не может продолжаться так долго, как это имело место в Советском Союзе (противоречия между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней).

В 1950-е годы государство в лице Госсовета КНР проводило курс на укрепление своих функций в управлении народным хозяйством. Начиная с 1952 г. и до перехода к новым реформам 1978 г. главным источником финансирования экономики оставался государственный бюджет. В 1957 г. при помощи этого механизма осуществлялось 83,5% всех инвестиций в народное хозяйство, в 1978 г. доля государственного бюджета в инвестировании основных фондов равнялась 77,7% [5. С. 1].

Столь высокий уровень зависимости от государственных средств свидетельствовал о том, что бюджетное обеспечение практически снимало с предприятий ответственность за капитализацию прибыли, которая в силу действовавшей тогда системы налогообложения почти полностью изымалась в централизованный бюджет.

Следует заметить, что механизм мобилизации, распределения и потребления инвестиционных ресурсов в свое время был скопирован из практики Советского Союза и частично сохранился до сих пор, поскольку государственный сектор в экономике Китая еще занимает определенное место. Особенно госу-

дарственный бюджет используется для поддержки стратегически важных отраслей, в том числе в сфере военно-промышленного комплекса. Но до начала 1980-х гг. этот механизм, действовавший в КНР, носил следующие общие черты с советским финансовым механизмом:

- в обеих странах его действие опиралось на монополию государственной собственности на все виды хозяйственных ресурсов;

- подход к руководству народным хозяйством осуществлялся как руководство «единой фабрикой»;

- в госбюджет изымалась не только чистая прибыль, но и амортизационные отчисления государственных предприятий с последующим распределением этих средств между регионами, отраслями и отдельными приоритетными хозяйствующими объектами;

- государственные расходы на капитальное строительство осуществлялись безвозмездно;

- имели место недооценка и невосприятие экономических методов управления;

- применялась система двойных цен, позволяющая систематическое перекачивание средств из сельского хозяйства в другие отрасли, прежде всего в тяжелую промышленность.

Несмотря на целый ряд экономических экспериментов, в том числе попыток ввести хозрасчет (так называемые старые реформы), призванных, по идее, обеспечить частичную децентрализацию управления, решить такие задачи без радикального преобразования всей экономической системы, прежде всего легализации всех форм собственности, не удавалось. В итоге предприятия и отрасли в целом были лишены необходимой мотивации труда — повышения заработной платы, финансирования расходов на обновление основных фондов, внедрения новой техники и технологии. Доля прибыли, которая в отдельные периоды оставалась в распоряжении предприятий, колебалась в узком диапазоне — от 1% до 5%, что ограничивало саму возможность производить самофинансирование.

Неэффективной была и налоговая система. Созданный сразу после образования КНР налоговый механизм стал подвергаться преобразованиям уже в начале 1950-х гг. с целью создания системы «централизованного управления и многоуровневой ответственности». В результате продолжительное время в Китае действовала трехуровневая система управления фискальной политикой.

Первый уровень был представлен центральным правительством, второй — администрациями крупных административных регионов, третий — провинциальными администрациями. Нижестоящим администрациям предоставлялось право создавать собственные бюджетные резервы для использования их в период между поступлением доходов и расходами. На местах создавались свои плановые органы, отвечавшие за составление местных планов развития местной экономики. Иначе говоря, нижестоящему органу разрешалось оставлять в своем распоряжении часть собираемых налогов для финансирования местных планов экономической деятельности. В КНР, к примеру, Госсоветом был установлен директивный контроль над реализацией мероприятий по реконструкции произ-

водственных мощностей предприятий, осуществляющих технический прогресс, и в отношении них применялся льготный налоговый режим. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что уровень централизации управления китайской экономикой был чрезвычайно высок, его реализация опиралась на детально разработанные планы, которые носили директивный характер. Их осуществление наблюдали и контролировали не только органы планирования, но и политические институты. С этой же целью использовалась налоговая и бюджетная политика в целом. При помощи финансовых рычагов развитие китайской экономики направлялось в единое русло. Политические институты действовали в полном соответствии с марксистской теорией, согласно которой экономической опорой социалистического государства является общественная собственность. В сознании населения эта идея приобретала абсолютное значение под влиянием широкой партийной агитации и пропаганды. Трудовой энтузиазм длительное время служил источником роста производительности труда и подъема экономики.

Наиболее характерными чертами китайской экономики в тот период стали опережающие темпы развития промышленности, повышение удельного веса обрабатывающих отраслей и на этой основе — рост производства потребительских товаров, а также продукции тяжелой и химической индустрии. Промышленное производство продолжало развиваться. Этот процесс был поддержан перераспределением капиталов в пользу государственного сектора. К концу 1970-х гг. инвестиции в тяжелую промышленность составляли 45%, в топливно-энергетический комплекс — 20,9%, транспорт и связь — 12,9%. В общей сложности они занимали около 80% суммарных капиталовложений в народное хозяйство Китая, при этом, что на долю сельского хозяйства приходилось только 10,5% [10. С. 26].

Важно и другое. Страна почти не производила инновационную продукцию. Затраты на модернизацию и реконструкцию в виду их незначительных масштабов национальная статистика не отражала.

Основной проблемой в исполнении центрального и местных бюджетов официальная печать КНР называла расточительство бюджетных средств из-за недостатка сдерживающих механизмов, ведение сверх бюджетного строительства производственных объектов, рост управленческих расходов в центре и на местах. В начале 1970-х гг. стало заметнее проявляться ухудшение положения дел на государственных предприятиях, что требовало все новых и новых дотаций из госбюджета. Это вело к расширению масштабов бюджетного дефицита и росту долговых обязательств. Центр осуществлял давление на провинции по политической линии, провинции — на уезды, вынуждая местные органы управления утверждать завышенные объемы бюджетов и декларировать их местными собраниями народных представителей.

Иначе говоря, на перспективу заранее формировались предпосылки роста бюджетных дефицитов на всех уровнях. Регулярно принимались законы, требующие принудительных мер к тем, кто имеет задолженность по налогам. Но меры к тому, чтобы ужесточить ревизионный контроль над сбором налогов, действовали слабо.

Еще одна проблема — быстрый темп роста населения Китая. Это означало, что доходы страны постоянно поглощались ростом численности жителей. После образования КНР существенно улучшились жизненные условия и повысился уровень здравоохранения, но в 1959—1961 гг. отмечался отрицательный прирост. В целом, начиная с 1950 г. сократилось время удвоения численности населения. Если до того для увеличения населения в два раза — со ста миллионов до 200 требовалось примерно 600 лет, то с 400 до 800 млн. человек — только 41 год [9. С. 12]. В 1950-е гг. «теория демографического контроля» потерпела поражение. Благодаря этому население не сократилось даже после трех лет последовательных стихийных бедствий. Рождаемость в те годы достигла исторического пика — 40% [9. С. 13]. Это вынудило государство перейти к политике планирования рождаемости. В последующие годы в китайской демографии в зависимости от политической ситуации происходили колебания от поддержки сторонниками Мао до постепенного признания права, а позднее — обязанности планирования семьи. В соответствии с идеологическими установками того периода почти все документы по планированию рождаемости были закрыты, пользоваться ими могли только партийно-государственные органы. Но факты говорят сами за себя, несмотря на сокращение рождаемости, население продолжало увеличиваться, возрастала и демографическая нагрузка на каждого работающего. Это стало одной из причин поиска более эффективных источников расширения масштабов производства и роста производительности общественного труда. К тому же невысокое качество рабочей силы замедляло модернизацию экономики. Общеобразовательный и профессиональный уровень китайской рабочей силы не отвечали потребностям развития современной структуры научно-технического производства. Негативно сказывался и тот факт, что планово-централизованная китайская экономика с ее замкнутостью практически имела очень мало шансов на то, чтобы использовать преимущества международного разделения труда. Ее интеграция в мировую экономику носила проблематичный характер, тем более что технический уровень народного хозяйства КНР был весьма невысок.

Таким образом, до начала радикальных преобразований в народном хозяйстве китайская экономика представляла собой систему, во всех основных чертах скопированную с экономической модели Советского Союза. В процессе социалистической индустриализации в КНР была создана замкнутая система самообеспечения.

Это свидетельствует о том, что влияние политики на экономику было настолько велико, что привело к разбалансированности народного хозяйства, неэффективному использованию природных ресурсов, дальнейшему отставанию в области техники и технологий от таких новых индустриальных стран, как Гонконг, Южная Корея, Сингапур, Тайвань.

Разумеется, управлять экономикой столь огромной страны, как Китай, было делом чрезвычайно трудным. После образования КНР предполагалось, что все слои населения в равной степени заинтересованы в развитии страны по пути новой демократии к социализму. Но, как показал весь последующий ход истории,

общим для всего народа интересом было сохранение Китая как независимого суверенного государства. Вскоре после образования КНР в стране был создан Центральный народный правительственный совет как высший орган власти в Китае в то время. Под его руководством был установлен порядок создания и функции провинциальных, уездных и городских конференций всех слоев населения. Состав конференций формировался из делегатов, одна часть которых избиралась населением, а другая часть была представлена делегатами от демократических партий, государственных учреждений и общественных организаций. Иными словами, это были органы, создаваемые, одной стороны, как выборные, а с другой, как органы, состоящие из назначенцев. Это отражало историческую специфику аграрного государства, в котором правящая коммунистическая партия не полагалась на одни только свободные выборы населения. Под руководством КПК конференции были преобразованы в собрания народных представителей. На местах действовали исполнительные органы под названием народных комитетов. Исследователи считают, что местные советы народных представителей в Китае соответствовали нашим местным советам депутатов, а народные комитеты — исполкомам. Однако Всекитайское собрание народных представителей нельзя было сравнить с Верховным Советом СССР, оно больше напоминало съезд советов до 1936 г. или съезды народных депутатов периода перестройки [3. С. 154]. На роль законодательного собрания в КНР вскоре вышел Постоянный комитет ВСНП (ПК ВСНП). В целом формирование в КНР представительной власти происходило не как целостный, непрерывный политический процесс. Он был нарушен в ходе борьбы против «правых элементов» в 1957 г., когда собрания народных представителей использовались в качестве одного из ее механизмов. В период «большого скачка» и создания народных коммун в китайской деревне представительные низовые органы на селе были ликвидированы. В годы «культурной революции» власть на местах осуществлялась военизированными революционными комитетами (ревкомы), а в центре — пролетарским штабом, сформированным левоцентристским крылом руководства КПК.

Восстановление представительной системы началось фактически только в октябре 1977 г., после того как по директиве ЦК КПК стали создаваться советы народных представителей провинциального уровня. Первые такие советы избрали представительский корпус Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва.

Следовательно, сама представительная система в КНР в то время была структурой неустоявшейся, отражавшей нестабильную внутривнутриполитическую обстановку в стране. В целом же в Китае происходило становление нового общества на старой социальной базе, в условиях жесткой классовой борьбы. Поэтому ясно, почему выборы в высшие органы власти были не прямыми, а опосредствованными, очевидно, что так было легче обеспечить нужный делегатский состав ВСНП. Выборы были открытыми (а не тайными, как это принято в странах с устоявшейся демократией), что давало возможность партийным организациям правильно оценивать расклад политических сил, выявлять лиц, не согласных с политикой КПК. Критические выступления в адрес Коммунистической партии и ее

руководителей расценивались партийными органами как «нападки на партию» и социализм со всеми неблагоприятными последствиями для критиков. В свое время КПК восприняла опыт внутренней и внешней политики ВКП(б), многие направления социалистических преобразований в СССР. В результате на китайской почве осуществлялся ленинский план построения социализма путем форсированной индустриализации, массового кооперирования крестьянства и «культурной революции», которая приняла в КНР особенно искаженные формы.

Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что и Китай, и Россия начинали строить социализм на основе общих идеологических принципов, но в совершенно разных исторических и национальных условиях. Китай, будучи страной аграрной, раньше по продолжительности времени по сравнению с СССР ощутил на себе неприемлемость высоких темпов строительства нового общественного строя в стране, где «коммунизация» деревни при низком уровне урбанизации и развития промышленности лишила многомиллионное китайское крестьянство подлинного интереса к труду и привела его на грань нищеты.

Характеризуя стартовые условия Китая для перехода к созданию современных рыночных отношений, следует отметить, что важным фактором укрепления политического руководства в Китае стало критическое осмысление партийными лидерами ошибок, допущенных в руководстве народным хозяйством. Критический метод и до выдвижения Дэн Сяопином идеи рыночной экономики с китайской спецификой использовался во внутрипартийной жизни. Но действие этого фактора ослаблялось тем, что меры по корректировке ошибок и промахов предпринимались нерегулярно и часто не доводились до конца.

Процесс адаптации руководства КПК к требованиям модернизации всего народно-хозяйственного комплекса в целом происходил в двух направлениях — по пути совершенствования внутрипартийного строительства, проводимого под лозунгом укрепления принципа демократического централизма, с одной стороны, и по пути прочного сохранения за собой функций управления экономикой, с другой.

Такой двойственный аспект роли партии в жизни китайского общества ярко проявился в работе VIII съезда КПК (сентябрь 1956 г.), который в своих попытках стремления к адекватному отражению времени в своей хозяйственной политике наметил новые задачи и функции партии. В выступлениях делегатов на съезде историографы КПК усматривали первые практические шаги на пути поиска новой экономической модели, выходящей за рамки прежнего опыта [7. С. 620]. Как говорил Дэн Сяопин, «главное внимание после 1949 года было сосредоточено на политических движениях, строить, как следует, мы не научились, строительство на подъем не пошло, а в политике имели место серьезные зигзаги» [2. С. 198—199].

Период 1953—1960 гг. в истории КПК известен как период «большого скачка». В российской науке суть его представлена как прекращение единого государственного планирования, децентрализация управления промышленностью, дезориентация административно-хозяйственных кадров работников в центре и на местах [5. С. 13—14].

Но на наш взгляд, степень децентрализации экономики в период «большого скачка» была весьма незначительна. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы один показательный факт: в 1958 г. вся продукция сельского хозяйства и подсобных промыслов закупалась исключительно только государственными заготовительными организациями под руководством центрального правительства [1. С. 20]. Фактически в годы «большого скачка» произошло дальнейшее усиление централизации политической и экономической власти в руках КПК. Так, налоговая система была преобразована в сторону ее централизации. Все бюджетные излишки провинциальные власти должны были перечислять в центральный бюджет, перестали фиксироваться доли центра и местных администраций при распределении доходов, которые стали, за исключением налогов на потребление и части прибылей предприятий, контролироваться центральными органами.

В рамках «большого скачка» особенно проявились пагубные последствия всеобщей коллективизации деревни и гипертрофированного развития тяжелой промышленности. Итогом стал экономический кризис. В целях его преодоления пришлось реорганизовать народные коммуны, прекратить массовое строительство мелких примитивных предприятий на селе, выпускавших низкокачественный чугун и сталь, непригодные для дальнейшей промышленной переработки, а также был принят ряд мер для стимулирования развития сельскохозяйственного производства. В 1964 г. положение в экономике стабилизировалось. Страна приобрела определенный опыт преодоления кризисных ситуаций, вызванных волонтаристской хозяйственной политикой. Заметим, кстати, что период «большого скачка», хотя и достаточно широко освещался в академических трудах, в области влияния на дальнейшую политику модернизации производительных сил Китая изучен крайне слабо. Но, несомненно — опыт того периода предостерегал от форсирования темпов роста при огромном разрыве в уровнях развития промышленности и сельского хозяйства, от навязывания крестьянству форм ведения хозяйства единолично или коллективно.

Однако в 1966 г. политика «культурной революции» едва не завела в тупик всю китайскую экономику. Пытаясь удержать ее на плаву, руководство инициировало создание так называемых совещаний по распределению материальных ресурсов. Их непосредственными организаторами стали отраслевые министерства и центральные плановые органы. Затем они стали проводиться на региональной основе. На этих совещаниях, которые созывались не реже одного раза в год, поставщики и потребители согласовывали свои планы. Таким образом, осуществлялся некоторый отход от тотальной централизации управления и создавалось некоторое подобие рынка. Во всяком случае, опыт был положительный: расширились горизонтальные связи, предприятия, которые до того были связаны между собой только опосредствованно через свои иерархические вертикальные структуры, получили непосредственный выход друг на друга. Более доступной стала и экономическая информация. Но не следует преувеличивать значение этих явлений. Хотя они и носили, безусловно, прогрессивный характер, предприятия по-прежнему оставались под контролем государства.

Подобная концентрация экономической власти в руках политического органа делала народное хозяйство управляемым, но только при условии сохранения ее невысокой диверсификации.

Таким образом, первые три десятилетия после образования КНР правительство Китая постоянно внедряло и поддерживало систему планово-централизованной экономики. Специальный государственный орган — Государственный комитет по делам планирования — разрабатывал и намечал развитие разных отраслей экономики. Все виды продукции, ее объем и цены определялись плановыми ведомствами в едином порядке. При такой системе экономика Китая могла развиваться по плану и в определенном направлении. Однако эта же система сковывала жизнеспособность и темпы развития самой экономики. К концу 1970 гг. в Китае существовала только экономика, основанная на общественной собственности, в структуре которой государственные предприятия занимали 77,6%, предприятия коллективного сектора — 22,4% [4. С. 98]. Другим фактором реформ стала потребность в восстановлении внутренней политической стабильности в китайском обществе. Накануне радикальной экономической реформы оно пребывало в состоянии полного хаоса, наступившего в результате безрассудной «культурной революции». Политический и государственный аппарат, его мощь и влияние были подорваны, и он не мог оказать действенного сопротивления нараставшей политике реформ.

Следует сказать о дестабилизации политической обстановки в Китае в годы «пролетарской культурной революции», в ходе которой на повестку дня были выдвинуты ключевые проблемы внутреннего развития и внешней политики КНР. Концептуальные установки «культурной революции» были выдвинуты Мао Цзэ-дуном. Они были объединены идеей, состоящей в том, что в условиях социалистического строя, когда свергнутые эксплуататорские классы лишены возможности выступать на любых других направлениях, главной ареной классовой борьбы становится идеология, в широком плане — сфера культуры.

Подводя краткие итоги анализа характерных особенностей формирования стартовых условий перехода Китая к рыночной экономике, отметим, что они представляли собой сложнейший комплекс проблем, в котором переплелись такие черты, как гипертрофированная централизация управленческих функций политических институтов, административно-командный стиль управления, отсутствие хозяйственной самостоятельности, а значит, и хозяйственной инициативы предприятий.

Но постепенное решение комплекса проблем, последовательное проведение политики реформ вывели отсталую страну на передовые позиции глобализации. Китай вырвался из экономического, политического, государственного кризиса и за последние годы по многим показателям вышел на достойный уровень мирового развития. Успехи столь впечатляющи, что такие центры глобального экономического анализа, как Всемирный банк и МВФ, признают, что к 2015—2020 гг. Китай по абсолютным показателям экономического развития превзойдет Японию и США.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Балюк М.А., Балюк И.А.* Экономическая реформа в КНР: государство и рынок // Информационный бюллетень Института Дальнего Востока РАН. — 1996. — № 5.
- [2] *Дэн Сяопин.* Избранные произведения. — Пекин, 1995. — Т. 3.
- [3] Как управляется Китай. Эволюция властных структур Китая в 80—90-е гг. XX века. Коллективная монография / Под ред. М.Л. Титаренко. — М., 2001.
- [4] Китай. Цифры и факты. — Пекин: Синьсин, 2000.
- [5] Китайская Народная Республика в 1979 году. Политика, экономика, идеология. — М.: Политиздат, 1980.
- [6] КНР 55 лет. — М., 2002.
- [7] Краткая история КПК (1921—1991). — Пекин, 1993.
- [8] *Лю Жунцан.* Государственное макрорегулирование и социалистическая рыночная экономика // Экономические реформы в России и КНР: проблемы и перспективы. Материалы юбилейного российско-китайского симпозиума, проходившего в отделении экономики РАН. Москва. 22 сентября 1999. — М., 2000.
- [9] Народонаселение и экология — ключевые факторы реформ // Информационные материалы ИДВ РАН, Центр научной информации и документации. Выпуск 3—4. — М., 2003.
- [10] Чжунго тунцзи джайяо 1992. — Пекин, 1992.

PEOPLE'S ECONOMY OF CHINA ON THE THRESHOLD OF THE ECONOMIC REFORM

G.A. Kubyshina

The Center for Asia Pacific Studies
Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation
Ostozhenka str., 53/2, Moscow, Russia, 119021

The experiences of China in the innovation of the approaches to the state property offer a richest factual material making it possible to make a conclusion that China occupies a special place in the history of countries that have chosen the creation of modern market economy without a radical destruction of the socio-economic order in general as their strategic prospect. China's own scientific theory known worldwide as the building of socialism with Chinese specifics has become its advantage on this path.